Ты вздумал мне урок задать;
Над коею и третей долей
Со всей моею доброй волей
В пень был я принужденным стать.

Ты счел, как видно, что не диво
Изобразившим вещество
Изобразить достойно, живо
И непостижно божество;
Что как воображенью слово,
Так и художество готово
Для взора мысль образовать;
И сколь ума паренья смелы,
Столь кисти широки пределы,
И чувствам образ можно дать.[3]

Державин, как известно, был очень рассержен «Ответом Рафаела», и, пожалуй, он был прав. Под видом шутки Капнист издевался над самой сутью державинского видения жизни, над его стремлением словесно передать живописный облик чувственно воспринимаемого, зримого, материального мира. Державин отвечал Капнисту: «Письмо твое, любезный друг, Василий Васильевич, и при нем „Ответ Рафаела" получил. Кратко тебе скажу: я его не понял; ибо хулишь ли меня, или хвалишь, я не знаю; но пусть будет то или другое... Мысли низки, как то, что не из чего сделать рам на картину,[4] ибо я не к столяру, но к живописцу просьбою моею относился. Изображения смешны и отвратительны, как то, что на туловище одной богине голову приставляешь другой и с поясом лезешь под подол к той героине, которую сам хвалишь...[5] Шутки не забавны, а язвительны; ибо

[3] «Новые ежемесячные сочинения», 1790, ч. 47, май, стр. 4—5.

[4] Державин имел в виду следующие строки в «Ответе Рафаела»:

Для рам обширной толь картины
Мал лес всей здешней Палестины.

(Там же, стр. 8).

[5] Эти слова Державина относятся к седьмой строфе «Ответа Рафаела» в первоначальной его редакции:

Сперва, созвав в совет согласной
Весь живописный наш Сигклит,
Фелицы твоея прекрасной
Решился я представить вид;
И чтоб исполнить, чудно дело,
Юноны сановитой тело
Минервиной главой свершил,
И, прелестьми трех Граций нежных
Покрыв, о чреслах белоснежных
Кипридин пояс обложил.

(«Новые ежемесячные сочинения», 1790, ч. 47, май, стр. 7)